

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ ОСЕТИН (II)

А. А. Туаллагов, О. А. Туаллагова

Данные осетинских этнографии и Нартовского эпоса указывают на строгий запрет участия женщин в деятельности народных собраний осетин. Но некоторые варианты сказаний Нартовского эпоса осетин дают повод подозревать, что в них сохранились отголоски прежней открытости таких собраний для женщин. Актуальность рассматриваемой проблемы объективно диктуется наличием указанных не задействованных ранее источников, чье изучение позволяет продвинуться в исследовании истории формирования народных собраний. Научная новизна работы заключается в непосредственном привлечении к анализу оригинальных источников. Целью исследования является анализ проблемы генезиса народных собраний осетин в контексте их древней связи с образом женского божества методом текстуального исследования, индуктивного и логического анализа при соблюдении принципа системности изложения. Мы наблюдаем определенную связь женского начала с водной стихией и ее женскими божествами в Нартовском эпосе осетин. Особое внимание привлекают к себе сказания, в которых фигурирует мать морских божеств. Она свободно выходит на место собрания в своем мире. Следует полагать, что в ее образе сохранился образ древней богини-прародительницы, богини-матери. В данной связи особое внимание привлекают к себе материалы этнографии соседних народов Северного Кавказа, подтверждающие справедливость наблюдений. Само сказание связано с идеей преодоления наступившего хаоса и восстановления миропорядка через жертвоприношение. Богиня связана и с идеей плодородия. У алан произошла смена женского образа божества на мужской. Он был подвергнут и некоторому христианскому влиянию.

Ключевые слова: народное собрание, Нартовский эпос, богиня-прародительница, аланы.

Для цитирования: Туаллагов А.А., Туаллагова О.А. Народное собрание осетин (II) // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 14 (21). С. 62-72. DOI: 10.46698/VNC.2023.21.14.002

Специалисты полагают, что «нартовские ныхасы» и аналогичные им памятники представляют собой ценные дохристианские памятники аланского периода. Изначально они были святилищами, посвященными женскому божеству. Впоследствии их роль трансформировалась, и они стали исключительно мужскими святилищами [1, 296-309]. Наше проведенное ранее исследование позволяет, как представляется, присоединиться к указанному решению на основании анализа дополнительного материала [2, 34-39].

Частным порядком привлекает к себе внимание наблюдения ученых в отношении ныхаса Лезгора в Северной Осетии. Расположенные амфитеатром камни включают в себя луночные камни, а внутри каменной ограды располагается большой плоский камень, возможно, жертвенник. В полнолуние только от этого камня можно наблюдать восход луны точно из-за пика горы Уорс хонх. За камнем у каменной ограды расположены три плоских небольших камня, которые могли служить сиденьями для людей, обладавшими сакральными полномочиями, ожидавшими здесь восхода луны и приносившими жертву на этом большом плоском камне [3, 61]. Подобные лунарные культы обычно связаны с идеей плодородия и образами Великих Богинь.

В Нартовском эпосе осетин, как в самом традиционном осетинском обществе, ныхас, конечно, оказывается строго отделен от женских персонажей. Но, возможно, некоторые варианты сказаний позволяют полагать, что когда-то такое было возможным. Так, в различных вариантах сказаний о супруге нарта Хамыца, образ которой либо прямо связан с морскими божествами донбеттырами (Донбеттыртæ), либо близок ему (Бцентæ, Камбадатæ и др.), нарт тайно приносит ее на куывд [4, 21-23, 35] или на собрание нартов [4, 45, 56], одним из мест которых был известный дом рода Алæгатæ [4, 61, 63], олицетворяющего жреческие функции. Поступок нарта определяется его нежеланием расстаться с женой, его любовью к ней или прямой просьбой супруги [4, 30].

Следует заметить, что в данных сказаниях Хамыц, в конечном итоге, сам своеобразно выступит в роли женщины, когда его оскорбленная нартами супруга перенесет плевком в его тело зародыш будущего нартовского героя Батрадза. Данный мотив неоднократно сопоставлялся исследователями с образами скифских энареев, страдавших «женской болезнью», обрядом кувада, тесно связанным с травестизмом, и т.д. В индоевропейской традиции известны представления и о божественной двуполости. Следует отметить и один из вариантов сказания, в котором в момент переноса зародыша между лопаток Хамыца одна капля плевка отскакивает и попадает на желтый камень для сидения на ныхасе, располагавшемся возле башни. В результате в камне зачинается другой нартовский герой – Сослан [4, 431-432].

Как мы видим, нартовский ныхас становится неким местом женского начала, в котором особое значение приобретают располагавшиеся на нем камни. Исследователи считают, что в «скифской мифологии» в камне был воплощен образ богини, наследницей которой выступает нартовская героиня Сатана [5, 52-53]. Именно данная героиня, являющаяся по матери потомком водных божеств – донбеттыров, стоит в центре сказаний о ро-

ждении Батрадза и Сослана, камень которого обычно помещается на реке. Ее образ представлен и в начале сказаний о безымянном сыне Уырызмага, которые вновь связываются с водной стихией.

В одном из вариантов данного сказания Уырызмаг приносится непосредственно на ныхас в стране добеттыров. К нему на ныхас приходит хозяйка добеттыров и приглашает его в дом [6, 314]. В данном сюжете со стороны добеттыров нет ни одного мужского персонажа. По заключению исследователей [7], осетинский эпос сохранил образ матери добеттыров, стоящей во главе и управляющей водным миром, в лице которой представлен образ древней богини-прародительницы, богини-матери. Ее «промежуточным» вариантом является образ хозяйки (супруга) правителя.

В сказании речь идет о том, как нарт случайно убивает своего сына в подводном царстве, где тот воспитывался у родственников по материнской линии – дочери морского божества. Сам мотив сюжета сказания рассматривается как матриархальный. Убийство совершается в момент, когда нарт сидит за столом, который у осетин служил и жертвенником. По мнению исследователей, в данном эпизоде представлена очевидная связь между смертью ребенка и жертвоприношением [8, 113; 9, 240-241]. Причем, само жертвоприношение обусловлено идеей преодоления наступившего хаоса и восстановления миропорядка [9, 235-241].

Показательно, что у балкаро-карачаевцев водное божество Суу Анасы – Матьер воды представлена в образе Данметтир (Дамметир, Мамметтир, Мамметдир). Внешне она напоминает женщину с длинными светлыми волосами. Ее образ справедливо возводят к образу покровителя вод в мифологии алан Донбеттыра [10, 34; 11, 324; 12, 191]. В осетинской традиции особо многочисленными были дочери водного божества, строго следившие за чистотой вод. Они предстают в образе красивых девушек с длинными волосами, которые покровительствовали конкретным водоемам. Такие божественные девушки пользовались особым ритуальным почитанием со стороны осетинок.

Несомненно, Данметтир соответствует осетинскому божеству, а его название прямо сопоставимо с одним из вариантов дигорского названия божества Донбеттир [6, 23, 236, 285, 290, 302, 323, 328, 334]. Причем, в первой части балкаро-карачаевское название сохраняет дан-, что является древним вариантом осетинского дон – «вода». В нем еще нет перехода а→о перед носовым -н, который считается своеобразным «водоразделом» между аланским и современным осетинским языком. Данный переход происходил в постмонгольский период. В начале второй части названия представлен характерный, в том числе для тюркских языков, пе-

ребой b→m (сравни, например алано-осет. хуыцаубон/хуцаубон → карач. хычабан, балк. хычауман).

Попытка противопоставить научно обоснованному решению тюркскую этимологию названия женского божества [13, 101-103], показательно избегающая упоминания варианта названия Данметтир, беспомощна. Заметим, что форма Данметтир, насколько можно судить, связана с балкарцами Чегемского ущелья [14, 107], в этногенезе которых большую роль сыграла дигорская часть осетинского народа, с чем и связана аланская преемственность данного балкарского субэтноса. На указанном фоне избегания показательно указание на балкаро-карачаевское название оляпки (водяной дрозд/воробей), обитающей по берегам ручьев и рек, – «даметтир, мамметир» [13, 102]. Он показателен в том плане, что для названия данной птицы (осет. дондзиу/донарс содержит в первой части то же дон – «вода») на первом месте стоит собственное тюркское название «суу чыпчык», прямой аналог осетинскому дондзиу. «Дамметир», как заимствование из осетинского языка, закономерно остается вторичным [15, 324]. Приведенные наблюдения позволяют воздержаться от принятия иных этимологических решений [16, 149-160; 17, 399; 18, 271, 283, 292; 19] по имени осетинского божества.

Таким образом, как нам представляется, подтверждается вероятное восхождение образа водного божества к женскому образу богини-прародительницы, который со временем был вытеснен мужским образом. Поскольку имя Донбеттир – «Водный Петр» [20, 108] является примером ономастической христианизации, несмотря на высказывавшиеся сомнения, предлагавшие альтернативу в лице древнего * badra, как авест. hubadra – «счастливый» [21, 26], следует полагать, что ко времени христианизации алан уже произошел соответствующий «патриархальный переворот» в аланском обществе, либо он был поддержан (инициирован?) со стороны христианства. Мы же можем констатировать, что осетинский эпос все же сохранил древний женский образ в его божественной ипостаси, который имел прямой доступ к ныхасу. Следует полагать, что образ древней водной богини был тесно связан с идеей плодородия и образами Великих Богинь, одной из ипостасей которых был образ богини-прародительницы, богини-матери.

Интересно отметить, что, например, у табасаранцев Дагестана известен пророк Юнус – хозяин воды, морей, что связывают с ранней исламизацией. В то же время у других народов региона – аварцев, отдельных этнических групп даргинцев, лакцев, тюркских народов, горских евреев и дагестанских русских, видимо, под тюркским влиянием, – представлен образ Матери воды. Реже божество выступало в мужской ипостаси.

Еще шире образы (аморфные, зоо- и антропоморфные) водных женщин, которые, как и образ Матери воды, являются ипостасями и восходят к одному архаичному и амбивалентному образу – Богини-матери. Такие женские образы известны и другим кавказским народам, а также многим народам далеко за пределами Кавказа [22, 86-100].

Балкаро-карачаевская Мать воды – Суу Анасы, несомненно, входит, прежде всего, в круг образов женских водных божеств тюркских народов. Но обращает на себя внимание тот факт, что кроме Данметтира Мать воды у балкаро-карачаевцев представлена и в образе Сюлемена (Суйламан, Суулемен). За ним может стоять превращение библейского пророка Соломона в мифического покровителя водной стихии [11, 330]. Скорее, здесь представлено влияние поздней исламизации, имеющее параллель в вышеуказанном образе пророка Юнуса табасаранцев. Его образ тождествен образу библейского Ионы, проглоченного в море китом.

Известно, что в послекоранической литературе образ Соломона представлен в различных сюжетах. Источником его силы служил дарованный Аллахом перстень с изумрудом и начертанным на нем именем Аллаха. Соломону подчинялись джинны и шайтаны, добывавшие ему сокровища со дна моря. Однажды Соломон уронил кольцо в море, и его проглотила рыба. Соломон поймал ее, выпотрошил и нашел перстень [23, 212]. Возможно, данные мотивы и сказались в появлении образа Сюлемена.

Обычно перстень пророка связывается с «печатью Сулеймана» («звезда Давида» у иудеев и христиан). Представления о ней было особенно популярно у мусульман ханафитского мазхаба, к которому принадлежит большинство балкарцев и карачаевцев. С помощью перстня пророк Сулейман повелевал огнем, водой, ветром, животными и птицами. Изначально он принадлежал жившему в раю пророку Адаму. Затем ангел Джабраил вручил его Сулейману. Звезда на перстне – это символ тайного имени Аллаха, знание которого даруется только избранным. Молитва будет принята, если обратиться с ним к Аллаху. Поскольку Сулейман был правителем, то его печать являлась также символом власти и силы.

Пророк снимал перстень только тогда, когда шел в комнату для омовения, оставляя его визирю Асафу или жене Амине. В один из таких моментов пустынный джинн (ифрит или дэв), приняв его облик, забрал перстень. Он стал править вместо Сулеймана, которого изгнали как самозванца. Сулейман поселился в прибрежном городе, устроившись грузчиком у рыбаков. Через 40 лет джинн выбросил перстень в море, за что его растерзали животные и джинны. Однажды в плату за работу Сулейман получил от рыбака рыбу, при разделке которой и обнаружил кольцо, что позволило ему вернуться к правлению [24].

Как мы видим, у балкаро-карачаевцев удержался образ женского водного божества, хотя он и подвергся ранней ономастической христианизации за счет ассимилированной в среде их тюркоязычных предков части алан. Позднее, уже в собственно балкаро-карачаевской среде, произошла ономастическая исламизация того же образа при сохранении его женской ипостаси. У осетин по линии прямого наследования от алан образ предстает мужским, в соответствии с его ономастической христианизацией.

Но интересно отметить наличие в одном из карачаевских текстов гадания рыбы Бёттюра. На наш взгляд, имя Бёттюр справедливо сопоставляется с именем апостола Петра и осетинским Донбеттыр. Сближение с осетинским материалом следует и в упоминающемся рядом с Бёттюр черным духом Чырданом, сопоставляемым с осетинским нартовским героем Сырдоном [25, 86]. Бёттюр может служить отголоском именно аланского этапа ономастической христианизации, когда проявляется мужской образ апостола Петра. Кроме того, в карачаевском календаре месяц, соответствующий периоду август – сентябрь, носит название Бий Бетдир-ай – месяц святого Петра [26, 459], т. е. месяц бия (князя) Петра, подтверждая полагаемое решение.

1. Скаков А. Ю. «Нартовские ныхасы» на Кавказе // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. М., 2006. С. 282-312.

2. Туаллагов А. А., Туаллагова О. А. Народное собрание осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2022. Вып. 30. С. 33-42.

3. Мошинский А. П. Горная Дигория в древности. Поиски и находки // Дигорский язык: генезис, проблемы, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (Владикавказ, 9-11 октября 2021 г.). Владикавказ, 2021. С. 34-65.

4. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфцион куыстуат, 2005. Ч. 3. 712 ф. (на осет. яз.).

5. Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал: Полиграфическое производственное объединение, 2003. 223 с.

6. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфцион куыстуат, 2003. Ч. 1. 592 ф. (на осет. яз.).

7. Дарчиев А. В. Мать донбеттыров (об одном персонаже осетинской Нартиады) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 522.

8. Джанаева Н. А. Некоторые мифологические мотивы в нартском эпосе осетин // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1984. С. 103-119.
9. Дзиццойты Ю. А. Нарт Урузмаг и его сыновья // Дзиццойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. I. С. 233-244.
10. Малкондуев Х. Х. Фольклор народов Карачаево-Черкесии // Жанр и образ: Сборник научных трудов. Черкесск, 1988. С. 24-40.
11. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарская мифология // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. 2015. Cilt 8. Sayı 16. С. 321-335.
12. Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культурные камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 183-200.
13. Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.
14. Малкондуев Х. Х., Атабиева С. Х. Локальные формы бытования карачаево-балкарской внеобрядовой мифологической поэзии в Чегемском ущелье субэтнической среды Балкарии // Вопросы кавказской филологии. Нальчик, 2009. Вып. 5. С. 127-128.
15. Шаваева Ш. А. Синонимические зоонимы и их варианты в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 323-325.
16. Гутиева Э. Т. Донбеттыр: древнее имя древнего бога // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 37 (76). С. 149-162.
17. Шапошников А. К. Языковые древности Северного Причерноморья (Этимология языковых реликтов Северного Причерноморья): дисс. ... докт. фил. наук. М., 2007. 870 с.
18. Шапошников А. К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003-2005. М., 2007. С. 255-322.
19. Шапошников А. К. Аланы и ясы. Происхождение туранских языков в свете новых данных гуманитарных и естественных наук // The Indo-European Legacy in Language and Culture: Selected Issues. Olsztyn: University of Warmia and Mazury in Olsztyn Publishing, 2019. С. 106-133.
20. Абаев В. И. Как апостол Петр стал Нептуном // Избранные труды. В 4-х т. Т. 1. Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 2020. С. 106-116.
21. Bailey H. W. Ossetic (Nartæ) // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris – Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003, vol. II, no. 1-2, pp. 7-40.
22. Сефербеков Р. И. Хозяева стихий: Мать воды у народов Дагестана // Вестник института ИАЭ. 2006. № 3. С. 86-103.
23. Пиотровский М. Сулаймāн // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 212-213.

24. Шестиконечная звезда – печать пророка Сулеймана. 11.01.2021. [сайт] URL: <https://islamofera.ru/shestikonechnaya-zvezda-pechat-proroka-sulejmana/>

25. Каракетов М.Д. Антропология в религиозно-мифологическом мировоззрении карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. С. 48-109.

26. Шаманов И.М. Календарь и календарная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы. М., 2014. С. 453-474.

Tuallagov, Alan A. – The Abaev Centre for Scythe-Alanic Studies of the Federal Scientific Center «Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Vladikavkaz, Russia); vncran@yandex.ru

Tuallagova, Olga A. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); tuall@mail.ru

PEOPLE'S ASSEMBLY OF THE OSSETIANS (II).

Keywords: folk assembly, Nart epic, goddess-progenitor, the Alans.

Data from Ossetian ethnography and the Nart epic indicate a strict ban on the participation of women in the activities of such assemblies. But some versions of the tales of the Nart epic of the Ossetians give reason to suspect that they retain echoes of the former openness of such meetings for women. The relevance of the problem under consideration is objectively dictated by the presence of these sources that were not previously involved, whose study allows us to advance in the study of the history of the formation of people's assemblies. The scientific novelty of the work lies in the direct involvement of original sources in the analysis. The purpose of the study is to analyze the problem of the genesis of Ossetian people's assemblies in the context of their ancient connection with the image of a female deity by the method of textual research, inductive and logical analysis while observing the principle of systematic presentation. We observe a certain connection of the feminine principle with the water element and its female deities in the Nart epic of the Ossetians. Particular attention is drawn to the tales in which the mother of the sea deities appears. She freely goes to the place of folk assembly in her world. It should be assumed that in her image the image of the ancient goddess-progenitor, the goddess-mother, has been preserved. In this regard, special attention is drawn to the materials of ethnography of the neighboring peoples of the North Caucasus, confirming the validity of the observations. The legend itself is connected with the idea of overcoming the ensuing chaos and restoring the world order through sacrifice. The goddess is also associated with the idea of fertility. The Alans transformed the female image of the deity to the male one. It was also subjected to some Christian influence.

For citation: Tuallagov, A. A., Tuallagova, O.A. People's assembly of the Ossetians (II). KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 14 (21), pp. 62-72. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.21.14.002

References

1. Skakov, A. Yu. «Nartovskie nykhasy» na Kavkaze [«Nart nykhas» in the Caucasus]. *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamyati Valeriyi Nikolaevicha Chernetsova* [World outlook of ancient and traditional societies of Eurasia. In memory of Valery Nikolaevich Chernetsov]. Moscow, 2006, pp. 282-312.
2. Tuallagov, A. A., Tuallagova, O. A. *Narodnoe sobranie osetin* [People's Assembly of Ossetians]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of young scientists]. 2022, iss. 30, pp. 33-42.
3. Moshinskii, A. P. *Gornaya Digoriya v drevnosti. Poiski i nakhodki* [Mountain Digoria in antiquity. Searches and finds]. *Digorskii yazyk: genesis, problemy, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vladikavkaz, 9-11 oktyabrya 2021 g.)* [Digorsky language: genesis, problems, prospects. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Vladikavkaz, October 9-11, 2021)]. Vladikavkaz, 2021, pp. 34-65.
4. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Narts' legends. Ossetian folk epic]. Dzæudzhykh"æu, Gassity Viktoriy nomyl rauag"dadon-poligrafion kuystuat, 2005, b. 3. 712 p. (in Ossetian).
5. Dzitstsoity, Yu. A. *Nartovskii epos i Amiraniani* [Nart epic and Amiraniani]. Tskhinval, Poligraficheskoe proizvodstvennoe ob"edinenie, 2003. 223 p.
6. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart legends. Ossetian folk epic]. Dzæudzhykh"æu, Gassity Viktoriy nomyl rauag"dadon-poligrafion kuystuat, 2003, b. 1. 592 p. (in Ossetian).
7. Darchiey, A. V. *Mat' donbetyrov (ob odnom personazhe osetinskoj Nartiadady)* [Mother of the Donbetyrs (about one character of the Ossetian Nartiadady)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013, no. 2, p. 522.
8. Dzhanayeva, N. A. *Nekotorye mifologicheskie motivy v nartskom epose osetin* [Some mythological motifs in the Ossetian Nart epic]. *Voprosy osetinskoj literatury i fol'klora* [Issues of Ossetian literature and folklore]. Ordzhonikidze, 1984, pp. 103-119.
9. Dzitstsoity, Yu. A. *Nart Uruzmag i ego synov'ya* [Nart Uruzmag and his sons]. Dzitstsoity, Yu. A. *Voprosy osetinskoj filologii* [Questions of Ossetian philology]. Tskhinval, 2017, vol. I, pp. 233-244.
10. Malkonduev, Kh. Kh. *Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii* [Folklore of the peoples of Karachay-Cherkessia]. *Zhanr i obraz: Sbornik nauchnykh trudov* [Genre and image. Collection of scientific works]. Cherkessk, 1988, pp. 24-40.
11. Malkonduev, Kh. Kh. *Karachaevo-balkarskaya mifologiya* [Karachay-

Balkar mythology]. *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi* [Motif Academy Journal of Folklore]. 2015, cilt 8, sayı 16, pp. 321-335.

12. Arzhantseva, I. A., Albegova, Z. Kh. *Kul'tovye kamni Kyafarskogo gorodishcha (eshche raz o religioznom dualizme alan)* [Cult stones of the Kyafar settlement (once again about the religious dualism of the Alans)]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza* [Antiquities of the North Caucasus]. Moscow, 1999, pp. 183-200.

13. Dzhurtubaev, M. Ch. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev: Kratkii ocherk* [Ancient Beliefs of the Balkars and Karachais. A Brief Essay]. Nalchik, Elbrus, 1991. 256 p.

14. Malkonduev, Kh. Kh., Atabieva, S. Kh. *Lokal'nye formy bytovaniya karachaevo-balkarskoi vneobryadovoi mifologicheskoi poezii v Chegemskom ushel'e subetnicheskoi sredey Balkarii* [Local forms of existence of Karachay-Balkar extra-ritual mythological poetry in the Chegem Gorge of the subethnic environment of Balkaria]. *Voprosy kavkazskoi filologii* [Questions of Caucasian Philology]. Nalchik, 2009, iss. 5, pp. 127-128.

15. Shavaeva, Sh. A. *Sinonimicheskie zoonimy i ikh varianty v karachaevo-balkarskom yazyke* [Synonymous zoonyms and their variants in the Karachay-Balkar language]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2010, no. 12, pp. 323-325.

16. Gutieva, E. T. *Donbettyr: drevnee imya drevnego boga* [Donbettyr: the ancient name of the ancient god]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2020, iss. 37 (76), pp. 149-162.

17. Shaposhnikov, A. K. *Yazykovye drevnosti Severnogo Prichernomor'ya (Etimologiya yazykovykh reliktov Severnogo Prichernomor'ya)* [Linguistic antiquities of the Northern Black Sea region (Etymology of linguistic relics of the Northern Black Sea region)]. PhD thesis (in Philology). Moscow, 2007. 870 p.

18. Shaposhnikov, A. K. *Sarmatskie i turanskie yazykovye relikty Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian and Turanian linguistic relics of the Northern Black Sea region]. *Etimologiya 2003-2005* [Etymology 2003-2005]. Moscow, 2007, pp. 255-322.

19. Shaposhnikov, A. K. *Alany i yasy. Proiskhozhdenie turanskikh yazykov v svete novykh dannykh gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Alans and Yases. The origin of the Turanian languages in the light of new data from the humanities and natural sciences]. *The Indo-European Legacy in Language and Culture. Selected Issues*. Olsztyn, University of Warmia and Mazury in Olsztyn Publishing, 2019, pp. 106-133.

20. Abaev, V. I. *Kak apostol Petr stal Neptunom* [How the Apostle Peter Became Neptune]. *Izbrannye trudy. V 4-kh t.* [Selected Works. In 4 volumes]. T. 1. Re-

ligiya, fol'klor, literature [Vol. I. Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz, 2020, pp. 106-116.

21. Bailey, H. W. Ossetic (Nartæ) // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris – Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003, vol. II, no. 1-2, pp. 7-40.

22. Seferbekov, R. I. *Khozyaeva stikhii: Mat' vody u narodov Dagestana* [The owners of the elements: the mother of water among the peoples of Dagestan]. *Vestnik instituta IAE* [Herald of the institute of history, archaeology and ethnography]. 2006, no. 3, pp. 86-103.

23. Piotrovskii, M. *Sulaimān* [Sulaimān]. *Islam* [Islam]. Encyclopedic Dictionary. Moscow, 1991, pp. 212-213.

24. *Shestikonechnaya zvezda – pechat' proroka Suleimana. 11.01.2021* [The six-pointed star is the seal of the Prophet Suleiman. 01/11/2021]. [Web-site]. URL: <https://islamofera.ru/shestikonechnaya-zvezda-pechat-proroka-sulejmana/>

25. Karaketov, M. D. *Antropogoniya v religiozno-mifologicheskom mirovo-zrenii karachaevtsev i balkartsev* [Anthropogony in the religious and mythological worldview of Karachays and Balkars]. *Karachaevtsy i balkartsy: yazyk, etnografiya, arkheologiya, fol'klor* [Karachays and Balkars: language, ethnography, archeology, folklore]. Moscow, 2001, pp. 48-109.

26. Shamanov, I. M. *Kalendar' i kalendarnaya obryadnost'* [Calendar and calendar rituals]. *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachays. Balkars]. Moscow, 2014, pp. 453-474.